Глава II.

Кружки саморазвитія или самообразованія. Библіотеки. Кассы взаимопомощи и библіотечныя кассы. Сходки. Характеристика кружковъ и сходокъ. Харьковскіе кружки. Петербургскіе кружки. Кружокъ „Чайковцевъ". Дѣятельность этого кружка. „Книжное дѣло". Эволюція кружковъ саморазвитія.

Послѣ весеннихъ студенческихъ безпорядковъ 1869 года, охватившихъ высшія учебныя заведенія Петербурга—петерб. университетъ, медико-хир. академію и технологическій инстит.,—въ которыхъ замѣшаны были Нечаевъ, Ткачевъ и Дементьева, Волховской и другіе, послѣ осеннихъ безпорядковъ того же года въ московскомъ университетѣ, жертвой которыхъ сталъ В. Смирновъ, эмигрировавшій за-границу и со 2-й половины 1873 года редактировавшій въ Цюрихѣ съ Лавровымъ революціонный журналъ «Впередъ»,—послѣ всѣхъ этихъ событій въ средѣ студенчества наступило затишье. Казалось, что жизнь въ этой средѣ замерла. Но это было только кажущееся явленіе. Подъ вліяніемъ разыгравшейся тогда правительственной реакціи вообще и спеціальныхъ репрессій по отношенію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ—въ частности, студенчество ушло въ себя.

Началась внутренняя работа. Задачи саморазвитія и самообразованія выступили на первый планъ. Оффиціальная университетская наука мало удовлетворяла молодежь. Спеціальность—нужное дѣло,—слова нѣтъ!, но выше всего развитіе. Безъ развитія нельзя шагу сдѣлать въ жизни, нельзя выполнить той работы, которую жизнь имѣетъ предъявить ей, молодежи, и которую она обязана выполнить. Развитіе становится нравственнымъ требованіемъ для личности. Черезъ развитіе и при помощи развитія личность становится „критически-мыслящей" личностью, т. е. единственно пригодной для общественной дѣятельности. Это во-первыхъ. Но развитіе прямо необходимо личности, какъ таковой: оно подымаетъ ее, расширяетъ и углубляетъ. Цѣна личности отъ этого подымается. А это, во-вторыхъ, сугубо дѣлаетъ развитіе нравственно-обязательнымъ. Развитіе, такимъ образомъ, въ то время было для насъ вродѣ категорическаго императива: ты долженъ развиваться, а потому ты—можешь! И молодежь съ жадностью набросилась на свое развитіе. Какъ его осуществить ближайшимъ образомъ? Естественнымъ для этого является кружкованіе. Да оно уже въ прежніе годы было испытано. Повсюду во всѣхъ университетскихъ городахъ возникаютъ кружки,—кружки саморазвитія или самообразованія. При кружкахъ обыкновенно организуются библіотеки и кассы для взаимопомощи. Часть кассовыхъ суммъ идетъ на образованіе библіотекъ и ихъ пополненіе. Это—спеціально библіотечная касса. Въ кружкахъ происходитъ общее чтеніе и обмѣнъ мыслей по поводу прочитаннаго. Серьезные вопросы вызываютъ и болѣе серьезное къ нимъ отношеніе.

Съ этой цѣлью на членовъ кружка возлагается обязанность составленія рефератовъ на интересующія кружокъ темы. Мысль

у молодежи сильно работаетъ. Жгучія проблемы теоретической и практической мысли становятся предметомъ страстнаго изученія. Въ первое время, однако, преобладаютъ задачи теоретическаго характера. Надо прежде всего выяснить себѣ многое, надо выработать себѣ міросозерцаніе. Вѣдь «надо знать, чтобы предвидѣть, предвидѣть - чтобы дѣйствовать» (Ог. Контъ). А потому практика, съ ея суровыми императивами, пока, само собою, отодвигается на задній планъ. Знать надо много. Исторія, особенно исторія революціонныхъ движеній, экономическія науки, соціологія и проч. входятъ въ программу занятій въ кружкахъ.

Кружки, такимъ образомъ, являются лабораторіями, въ которыхъ систематизируются и организуются знанія, дисциплинируется мысль и въ концѣ концовъ формируется міросозерцаніе.

Кружки не остаются изолированными, обособленными другъ отъ друга. Въ извѣстныхъ случаяхъ собираются сходки, на которыхъ участвуютъ представители кружковъ. И на этихъ сходкахъ ставятся на обсужденіе уже опредѣленные вопросы, теоретическіе или практическіе даже, но имѣющіе въ настоящій моментъ злободневное значеніе.

Сходки, какъ объединяющее кружки средство, имѣли громадное значеніе въ наше время—и практическое и теоретическое. На сходкахъ студенты знакомились между собою, сговаривались въ случаѣ возникновенія какого-нибудь практическаго общестуденческаго дѣла, намѣчались люди для выполненія этого дѣла. Это, во-первыхъ. А, во-вторыхъ,—сходки способствовали идейному объединенію молодежи, выработкѣ общей программы теоретической работы. Молодежь, такимъ образомъ, пріучалась къ коллективному мышленію и коллективной практикѣ, поскольку эта послѣдняя вызывалась неотложными, насущными интересами студенчества.

Таковы были кружки молодежи въ первую стадію ихъ развитія—стадію самообразованія или, правильнѣе сказать, выработки «критической мысли». Такихъ кружковъ было много въ каждомъ университетскомъ городѣ. Изъ университетскихъ городовъ кружкованіе распространялось периферически въ университетскіе губернскіе и уѣздные города, гдѣ оно, кружкованіе, уже захватывало учащуюся молодежь высшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній,—гимназій и семинарій.

Въ 1870 году я состоялъ студентомъ харьковскаго университета. Хотя харьковская молодежь шла тогда въ хвостѣ умственнаго движенія студенчества, но кружкованіе и тамъ развивалось. Цѣли харьковскихъ кружковъ были такія же, какія и всѣхъ русскихъ студенческихъ кружковъ. Я хочу здѣсь отмѣтить нѣкоторую ихъ особенность, отличавшую ихъ въ то время отъ другихъ извѣстныхъ мнѣ кружковъ. Это—дѣловитость ихъ. Нѣкоторыя изъ харьковскихъ кружковъ сразу, такъ сказать, выступаютъ на практическую,—правда, не выходившую изъ-за рамокъ студенческихъ дѣлъ —почву. Такъ, харьковскіе студенты устроили свою кухмистерскую, при которой была устроена читальня. Но отдѣльныя лица изъ кружковъ распространяли свою работу и за предѣлы

собственно учащейся молодежи. Такъ, студент. юрид. факультета, Немировскимъ былъ организованъ «кружокъ приказчиковъ»—тоже съ цѣлью саморазвитія. Приказчикамъ читались лекціи общеобразовательнаго характера. Въ числѣ лекторовъ, кромѣ студентовъ, былъ приватъ-доцентъ харьковск. универ., Я. И. Ковальскій. Его лекціи по физикѣ и космографіи имѣли большой успѣхъ. Какъ долго «кружокъ приказчиковъ» оставался «внѣ сферы досягаемости»—не могу сказ ть съ увѣренностью, такъ какъ я вскорѣ оставилъ харьковскій университетъ. Слышалъ я, однако, много лѣтъ спустя, что между харьковскими студентами и приказчиками отношенія на идейной почвѣ не прекращались, и что приказчики продолжали симпатизировать студентамъ. Въ 1878 году, во время студенческихъ безпорядковъ, приказчики доказали это на дѣлѣ. Мнѣ передавали, какъ достовѣрный фактъ, что, во время безпорядковъ, приказчики были въ рядахъ студенчества, вмѣстѣ съ послѣдними были на улицѣ и протестовали противъ набѣга на университетъ казаковъ и войска и противъ избіенія студентовъ казаками.

Мнѣ передавали также, что многіе изъ приказчиковъ были изрядно тогда побиты казаками.

Другое практическое дѣло, которое намъ, первокурсникамъ въ особенности, импонировало, было устройство фермъ студентами-украинофилами въ окрестностяхъ Харькова. Молодежь жила на сельско-хозяйственныхъ фермахъ трудами рукъ своихъ. Въ базарные дни студенты-фермеры, въ народныхъ костюмахъ, вывозили свои молочные продукты для продажи на базаръ, а также развозили ихъ по домамъ. Молодежь,—разсказывали мнѣ,—занималась изученіемъ народнаго быта, собираніемъ народныхъ поговорокъ, сказокъ, преданій, пѣсенъ и прочихъ продуктовъ народнаго творчества.

Поселенія эти недолго просуществовали: «недремлющее око», говорятъ, скоро настигло ихъ...

Считаю нужнымъ упомянуть еще о кружкѣ молодыхъ дѣвушекъ, группировавшихся вокругъ Я. И. Ковальскаго и Е. Н. Солнцевой-Ковальской. Кружокъ этотъ тоже преслѣдовалъ цѣли саморазвитія и самообразованія, но помогали имъ въ этомъ нѣкоторые студенты, но главнымъ образомъ тотъ же Я. И. Ковальскій. Кружку читались лекціи по разнымъ предметамъ общаго образованія. Чтенія происходили въ домѣ Солнцевой (Ковальской). Попутно скажу, что домъ Е. Н. Солнцевой служилъ центромъ, къ которому тяготѣла харьковская интеллигенція, и особенно студенческая молодежь. Хорошо было въ этомъ домѣ—просто и сердечно. Красивая хозяйка дома, Е. Н. Солнцева, умѣла быть очень привлекательной.

Я не буду здѣсь говорить объ участіи еще студентовъ въ воскресныхъ школахъ, такъ какъ это завело бы меня слишкомъ далеко.

Возвращаюсь къ собственно студенческимъ организаціямъ.

Зимою 1870 года Ковальскій былъ посланъ въ Петербургъ, какъ делегатъ отъ харьковскихъ кружковъ саморазвитія. По возвращеніи изъ Петербурга онъ собралъ сходку. Въ живой рѣчи онъ

отдалъ студентамъ отчетъ въ своей поѣздкѣ. Между прочимъ, онъ не безъ юмора передавалъ намъ, что петербургскіе наши коллеги пробрали-де его за то, что мы, харьковцы, ужъ очень то неподвижны, отстали отъ общестуденческаго идейнаго движенія... Ковальскій привезъ съ собою много книгъ, главнымъ образомъ изданія Полякова*). Въ числѣ книгъ припоминаю слѣдующія: соч. Добролюбова, Писарева, Флеровскаго:—«Положеніе рабочаго класса» и «Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати»; Щапова—«Соціально-педагогическія условія развитія русскаго народа»; Лассаля I т.; Людвига Берне; Миртова—«Историческія письма»; Луи Блана—«Исторія великой французской революціи» I т.

На сходкѣ было рѣшено открыть въ Харьковѣ «отдѣленіе книжнаго дѣла» петербургскихъ чайковцевъ. Цѣль «книжнаго дѣла»: распространеніе книгъ по удешевленнымъ цѣнамъ какъ въ средѣ студентовъ, такъ и вообще учащейся молодежи. Распространеніе и продажу книгъ взяли на себя кружки.

Я живо помню, съ какой, можно сказать, жадностью молодежь первыхъ двухъ курсовъ набросилась на эти книги. Особенно зачитывалась молодежь Миртовымъ, Лассалемъ, Луи Бланомъ. Этимъ исчерпываются мои воспоминанія о кружковыхъ организаціяхъ среди учащейся молодежи харьковскаго университета.

Осенью 1871 года я перевелся въ Петербургъ, въ медико-хир. академію.

Тамъ, въ Петербургѣ, для меня начинается новая жизнь. Я засталъ еще въ Петербургѣ конецъ «Нечаевскаго дѣла». Я бывалъ на судѣ и зорко слѣдилъ, съ живымъ интересомъ провинціала, за всѣмъ. Подсудимые произвели сильное впечатлѣніе, какъ на меня, такъ и на прочихъ студентовъ и вообще молодежь, бывшую тогда на судѣ. Это было для насъ новое явленіе. Рѣчи подсудимыхъ будили въ насъ новыя мысли, новыя чувства. Но въ цѣломъ «Нечаевское дѣло», какъ таковое, произвело на насъ всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Мы отнеслись къ нему отрицательно.

Масса учащейся молодежи, съ которой я тогда уже вступилъ въ довольно широкія отношенія, не была тогда еще революціонно настроена. А потому «заговоръ», «бунтъ», «народная расправа» прямо пугали ее, какъ пугалъ бы ее всякій насильственный шагъ. Меньшинство-же студенчества, уже тогда «радикально» настроенное, отнеслось рѣзко отрицательно къ «Нечаевщинѣ», какъ къ формѣ революціонной борьбы, рѣшительно противорѣчившей его взглядамъ. Еще въ 1869 году пропаганда Нечаева встрѣтила рѣшительное противодѣйствіе со стороны «чайковцевъ» (личное сообщеніе М. А. Натансона. О. А.) „Нечаевское дѣло», нечаевская революціонная попытка 70-хъ гг. представляетъ собою лишь эпизодъ, тяжелый кошмарный эпизодъ, въ исторіи революціоннаго движенія той эпохи.

По революціонной тактикѣ его, какъ заговоръ, это «дѣло» совершенно противорѣчило революціоннымъ взглядамъ меньшинства тогдашней молодежи, а по нѣкоторымъ, совершенно специ-

*) Въ 1872 году арестованы всѣ изданія Полякова на сумму свыше 100.000 р.

фическаго характера, пріемамъ организаціи, внесеннымъ въ это дѣло самимъ Нечаевымъ—іезуитизму и маккіавелизму по отношенію даже къ товарищамъ по работѣ— оно, это дѣло, подѣйствовало на молодежь отталкивающимъ образомъ. Оно стоитъ, такимъ образомъ, одиноко въ нашемъ революціонномъ движеніи, т. е. въ движеніи 70-хъ годовъ, и я глубоко убѣжденъ въ томъ, что оно навсегда останется таковымъ. Большое народное дѣло не осуществляется такимъ способомъ. И въ этомъ именно отношеніи,—какъ наглядный примѣръ отрицательной революціонной попытки,— „Нечаевское дѣло" глубоко поучительно.

Въ этомъ смыслѣ оно сдѣлало свое дѣло, сыграло свою роль.

Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan,
Der Mohr kann gehen.

Возвращаюсь къ учащейся молодежи.

Въ Петербургѣ кружкованіе совершалось въ большемъ масштабѣ и развивалось болѣе ускореннымъ темпомъ, чѣмъ въ провинціи. Петербургскіе кружки самообразованія успѣли уже въ то время—къ концу 71-го и началу 72 года—далеко подвинуться на пути своего развитія.

Первое мѣсто въ ряду другихъ петербургскихъ кружковъ несомнѣнно принадлежитъ кружку „Чайковцевъ".

Рѣдкій подборъ людей крупныхъ индивидуальностей, талантовъ, ума, знаній и нравственныхъ достоинствъ.

Въ центральный, петербургскій кружокъ «Чайковцевъ» входили: Чайковскій, М. Натансонъ, О. Натансонъ, Александровъ, Сердюковъ, Клеменцъ, Купріяновъ, Кравчинскій, Кропоткинъ, сестры Корниловы, Ободовская, Г. Лопатинъ, С. Перовская, Кувшинская, Чарушинъ, Шишко, Тихоміровъ, Клячко, Лермонтовъ и др.

Свой выдающійся организаторскій талантъ этотъ кружокъ обнаружилъ очень скоро. Теоріей и практикой кружкового движенія молодежь почти всецѣло обязана «чайковцамъ». Обладая сравнительно довольно значительными средствами, «чайковцы» предпринимаютъ рядъ практическихъ начинаній: открываютъ филліальныя отдѣленія своихъ кружковъ въ Москвѣ, Одессѣ, Харьковѣ и другихъ университетскихъ городахъ; организуютъ «книжное дѣло» какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи. «Книжное дѣло» «чайковцевъ» сыграло крупную роль не только въ первый періодъ кружкованія,—періодъ революціонно-подготовительный, но и въ слѣдующій—революціонно-пропагандистскій періодъ.

Черезъ своихъ членовъ и членовъ другихъ кружковъ распространеніе книгъ идетъ живо. Подборъ книгъ весьма тщательный и вполнѣ соотвѣтствующій идейнымъ запросамъ молодежи. Все лучшее, что только возможно было, при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, издавать—пускалось въ обращеніе среди молодежи.

Изданія Полякова, между прочимъ, стояли на первомъ планѣ. Я выше уже назвалъ кое-какія сочиненія этого издателя. «Чай-

ковцы» вошли въ соглашеніе съ Поляковымъ,—впрочемъ, не только съ нимъ однимъ—и другіе либеральные издатели, напримѣръ, Евдокимовъ, главный управляющій Черкесова, шли на встрѣчу стремленіямъ молодежи,—и ихъ изданія уступались имъ съ значительной скидкой.

Благодаря этому, книги продавались по удешевленнымъ цѣнамъ и были доступны молодежи. Больше всего книги пріобрѣтались кружками, а ужъ эти послѣдніе распространяли ихъ тѣмъ или другимъ способомъ въ провинціи. Организаціонно-пропагандистское значеніе «книжнаго дѣла», какъ я уже говорилъ, было по истинѣ велико. Надо было жить въ то время, чтобы оцѣнить по заслугамъ это дѣло.

Знаніе иностранныхъ языковъ у насъ вообще не очень распространено даже въ настоящее время, а тогда тѣмъ болѣе. Среди же книгъ, распространяемыхъ «Чайковцами», было много переводныхъ иностранныхъ капитальной важности. Въ кружкѣ «Чайковцевъ»,—скажу en passant,—было немало членовъ, знающихъ иностранные языки. М. Натансонъ мнѣ передавалъ, что кружкомъ были переведены Ланге («Рабочій вопросъ»), Геккель («Естественная исторія мірозданія»), Консидерана (названія не помню) и другія. Нѣкоторые изъ ихъ переводовъ такъ и не увидѣли свѣта. Дѣятельностью «Чайковцевъ», однимъ словомъ, были даны тонъ и направленіе всему кружковому движенію молодежи того времени.

Въ качествѣ уроженца Екатеринославской губерніи я, вскорѣ по прибытіи моемъ въ Петербургъ, вступилъ въ «Екатеринославскій земляческій кружокъ». Черезъ одного изъ нашихъ членовъ, технолога Янчича, нашъ кружокъ находился въ сношеніи съ «Чайковцами». Кружокъ «екатеринославцевъ» ничѣмъ особенно не выдавался, особенно въ практическомъ отношеніи. Въ теоретическомъ отношеніи выдавались рефераты по біологіи и политической экономіи: рефератъ «о дарвинизмѣ» Оршанскаго (теперь профессоръ, кажется, Харьковскаго университета), рефератъ о «законѣ Мальтуса» пишущаго эти строки; далѣе рефераты по отдѣльнымъ вопросамъ политической экономіи другихъ членовъ кружка и систематическое изложеніе Маркса («Капитала») того же Оршанскаго и проч.,—таковы были предметы занятій «Екатеринославскаго кружка-земляческа». Одновременно съ этимъ я порою посѣщалъ и другіе кружки,—технологовъ и университетскихъ студентовъ.

Я долженъ отмѣтить одну, весьма характерную черту въ эволюціи тогдашнихъ петербургскихъ кружковъ. Я раньше уже упомянулъ, что молодежь въ первое время стояла далеко вообще отъ практическихъ вопросовъ и дѣлъ, кромѣ тѣхъ, которые непосредственно вытекали изъ ея кружковой работы, такъ сказать, органически связаны были съ этой работой. Оговариваюсь. Говоря о молодежи, я здѣсь имѣю въ виду массу молодежи, молодежь, какъ цѣлое, а не отдѣльные выдающіеся кружки, какъ, напримѣръ, кружки—«Чайковцевъ», составлявшихъ авангардъ кружкового движенія молодежи и уже въ то время—71-72 годахъ—выступившихъ на «радикальный», революціонный путь. Масса же молодежи,

повторяю, стояла еще тогда на пути выработки «критической мысли». Но жизнь, съ ея роковыми вопросами, опередила-таки мысль. Какъ ни отстраняла себя молодежь до поры до времени отъ жизни, она, эта жизнь, съ ея «проклятыми вопросами», помимо воли молодежи, властно ворвалась-таки въ ея психику. И русская дѣйствительность во всей ея, такъ сказать, наготѣ встала предъ молодежью. Вопросы общаго характера—философскіе, біологическіе, экономо-политическіе и соціальные уступаютъ мѣсто ближайше-русскимъ вопросамъ: вопросамъ русской исторіи,—во-первыхъ, и вопросамъ современной русской дѣйствительности—во-вторыхъ. И исторія, — исторія русскаго «народоправства», казачества, народныхъ бунтовъ, крестьянства, дворянства и проч., съ одной стороны, текущая научная, публицистическая и беллетристическая литература —съ другой, завладѣли молодежью. Костомаровъ, Мордовцевъ, Хлѣбниковъ, Бѣляевъ, Щаповъ рядомъ съ Гакстгаузеномъ, Соколовскимъ и другими авторами по русской общинѣ, Янсонъ, Шелгуновъ («Податной вопросъ») и другіе изслѣдователи народной жизни входятъ въ программу занятій молодежи. Все это теперь имѣло для нея не только теоретическій, но и глубоко практическій интересъ. Отъ любимыхъ своихъ авторовъ, а особенно отъ любимыхъ своихъ беллетристовъ-народниковъ, она узнала, какъ живется народу и какова русская дѣйствительность вообще. Они же научили ее, какъ отнестись ко всей этой дѣйствительности. И направленіе мысли молодежи все болѣе становится критическимъ. Революціонная мысль мало-по-малу зрѣетъ, крѣпнетъ и обосновывается. Настроеніе становится все болѣе и болѣе тревожнымъ и мятущимся. Молодежь прямолинейна: опредѣленныя теоретическія предпосылки обязываютъ ее къ опредѣленнымъ практическимъ выводамъ. Возникаетъ роковой вопросъ: что дѣлать? Его надо рѣшить во что бы то ни стало. Но какъ? Отъ старшаго поколѣнія разночинцевъ молодежь знаетъ, какъ этотъ же роковой вопросъ былъ имъ рѣшенъ. Она знаетъ, что съ уничтоженіемъ крѣпостного права, оно, это старшее поколѣніе, двинулось въ народъ. Оно двинулось туда, чтобы узнать народъ, изучить его, чтобы понять его, опредѣлить свои отношенія къ нему, чтобы, наконецъ, создать въ средѣ его, народа, операціонный базисъ для возможной практической дѣятельности. И оно, дѣйствительно, взялось за эту работу. Многіе и теперь еще работаютъ тамъ, въ народѣ. Но молодежь знаетъ и другое. Она знаетъ—и знаетъ это опять-таки отъ своихъ же старшихъ братьевъ,—какою цѣною эта работа, культурная работа, покупается, и какое значеніе она, эта работа, имѣетъ для многомилліонной массы еще фактически закрѣпощеннаго народа. «Шиломъ моря не нагрѣешь»,—категорически рѣшаетъ молодежь. И тотъ же жгучій вопросъ: что дѣлать? неотступно стоитъ предъ молодежью. Какъ его рѣшить?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ получился изъ-за границы.